

(/images/attachments/tmpl_9_art_60_att_321.pdf). — March 2003. — 36 p. [Офіційний веб-сайт Європейської асоціації венчурного капіталу].

2. *Визначення*, наведені в авторському перекладі з офіційних веб-сайтів асоціацій венчурного фінансування (<http://www.evca.com>, <http://www.cvca.ca>, <http://www.avcal.com.au>, <http://www.ivca.ie>).

3. *Venture Capital and Innovation*, OECD Paper OCDE/GD(96)168. — Paris, 1996. — 121 p.

4. www.altassets.com/hm_glossary.php.

5. *Каржауєв А.Т., Фоломьєв А.Н.* Национальная система венчурного инвестирования. — М.: Экономика, 2005. — 239 с.

6. *Поручник А.М., Антонюк Л.Л.* Венчурний капітал: зарубіжний досвід та проблеми становлення в Україні: Монографія. — К.: КНЕУ, 2000. — 172 с.

7. *Цихан Т.В.* Роль венчурной индустрии в формировании национальной инновационной системы // Теория и практика управления. — 2004. — № 11 (ноябрь). — С. 40—48.

8. *Розвиток ринку спільного інвестування в 2006 році.* Аналітичний огляд УАІБ (www.uaib.com.ua).

Одержано 07.06.2007

О.В.Красовская

Теоретические основы функционирования венчурного капитала и его использование в Украине

Исследуются теоретические основы функционирования венчурного капитала и его место в совокупности частного акционерного капитала, анализируются основные показатели развития венчурного финансирования в Украине.

Г.П. Аксенов

Ученый: генезис, мотивация, самореализация, роль в обществе

Наука, гражданское общество и цивилизация создаются фактически одновременно. Уровень развития общества всегда и везде зависит от числа образованных, свободных и ответственных перед истиной людей.

1

Только выдающихся политиков и солидных ученых — и никого более — называли раньше государственный муж и ученый муж. Даже к рискующим своей жизнью военным людям, не говоря уж об остальных общественных состояниях, такое сильное и обязывающее определение не применяли. Инстинкт языка был вполне оправдан. Государственный муж брал на себя ответственность за свой народ, он обязан на основании анализа большого числа разноречивых данных принимать верные и трудные решения в сложные и иногда смертельно опасные моменты, он должен быть твердым в исполнении намеченного. Еще по наблюдению Платона достойный этого звания государственный деятель обладал такими добродетелями,

как мудрость, мужество, терпение и сдержанность. И далеко не всем из предназначенных к этой роли по праву рождения они были свойственны.

Мудростью, то есть умом и здравым смыслом в сочетании с образованностью, должен обладать и ученый. Но, кроме того, он тоже обязан владеть собой, быть волевым и упорным, обладать терпением и осмотрительностью. Роднит ученого с государственным мужем и обязанность публично отстаивать свою позицию. Не обладая никакими средствами доказательства и убеждения, кроме логики самой науки, он в условиях непрерывного и критического давления со стороны коллег обязан гласно, в открытом соревновании защитить свои выводы. А для этого требуется сосредоточение всех существенных сил человеческой личности.

© Г.П. Аксенов, 2007

Когда же появились те, кого стали называть учеными мужами? Были ли они всегда, как всегда были государственные мужи? Проблема эта выходит далеко за рамки самой науки, она связана с культурой и социальной жизнью людей.

Наука зародилась на заре цивилизации, никто не может сказать, где ее истоки. В Древнем Египте, Месопотамии, Древнем Китае уже существовали астрономические знания, начатки математики, геометрии, составлялись сложные календари [1]. Однако о жрецах и придворных мудрецах древнейших цивилизаций мы не можем сказать, что они профессионалы, систематически и специально занимающиеся науками. Наука не выделялась из религиозных практик, из магии, следовательно, ученых мужей в те времена не было [2].

Впервые имена творцов знаний появились в Древней Греции в V в. до н.э., в краткий период ее расцвета. Истоки всех наук сосредоточились здесь. Но были ли они, великие греки, учеными в современном смысле слова? По большей части они называли себя софос, то есть мудрец. И только учитель Сократа Протагор изобрел более скромное звание — философ, т.е. любитель мудрости. Таким образом, и в самом деле они были любителями, а не профессионалами. Правда, некоторые из них частным образом обучали философии и ораторскому искусству, получая оплату за свой труд, но чаще всего этот уровень не намного превышал обычное овладение грамотой и не свидетельствовал об исследовательской деятельности. Философов учеными мужами не называли. Конечно, была создана геометрия Евклида, механика Архимеда, астрономия Птолемея. К систематическому, методическому знанию сильно продвинулся Аристотель. Однако это все элементы наук, отдельные достижения. Тогда же появились и некие прообразы будущей высшей школы — платоновская Академия. Но средневекового университета из него не получилось бы.

Наука в античности не выделилась из философии.

Но, самое главное, античная наука не имела никакого отношения к практике, не оказала никакого влияния на образ жизни людей. Разрыв между ее абстрактными построениями и общественной жизнью был непреодолимый, вернее, не был преодолен философствующими мудрецами. Они не стали учеными, не создали ученую среду, которая оказала бы влияние на изменение социального строя. Как пишет историк науки Карл Поппер, Афины в их героический период были замечательной, вдохновляющей, но неудачной попыткой стать демократической республикой и открытым обществом [3].

Дело в том, что в античности личность все еще была связана, включена в состав полиса. Даже наиболее продвинутый человек того времени — Сократ, если судить по диалогам Платона, а других свидетельств нет, проповедовал некоторое неравноправие человека по сравнению с коллективом полиса, требовал следовать установленным обычаям города. А это означает, что даже в Афинах действовал унижающий человека принцип: общее выше личного. Личность не равна коллективу, она — часть целого, но не целостная единица. И Платон в своем общественном учении подчиняет человека обычаям, древнему иерархическому строению общества и коллективным представлениям. Для него демократия и равенство неприемлемы, он считает их причиной разрушения «правильных» устоев и порчи общества. Он учил, что в обществе каждый должен знать свое место. Философ должен воспитывать правителей, воины — воевать и охранять, торговцы и ремесленники производить, рабы — оставаться рабами. Античная личность в классический период Афин в лице лучших граждан пыталась выломиться из коллективных фетишей и много преуспела на этом пути, но не смогла до конца освободиться. Демократия была

задавлена милитаристской Спартой и ее тайными и явными сторонниками в самом городе. Спарта победила в войне, в Афинах наступило правление 30 тиранов. Длинные стены от Афин до Пирея — оплота морского союза городов, торговли и промышленности — были скрыты.

Следовательно, сам субъект науки, активно создающей новое общество, — человеческая личность — еще не родился в античности. Люди, в том числе и выделяющиеся на общем сером фоне своим умом и талантом, есть, но характер личности их не соответствует научному уровню знаний. Очень показательная точка в древнегреческой истории — суд над Сократом. Осуждение философа на смерть за его убеждения — символ краха Афин, хотя сила духа Сократа такова, что его называют иногда Христом античности. Однако, строго говоря, сравнение неправомерно. Сократ был вынужден отстаивать свои убеждения вплоть до смертного конца, с ним это случилось, а Иисус Христос свой подвиг задумал и осуществил. Разница решающая.

Индивидуальная личность появилась только с новой религией. Иисус провозгласил глубокий и решительный разрыв с родовыми и племенными традициями, с обычаями предков. Он ясно осознал, что с божественной точки зрения прежние правила общежития носят криминальный характер, вовлекают все новые и новые поколения в войну всех кланов против всех кланов. Человеческие законы, основанные на мести, вражде к врагу, оправдывающие любые преступления против чужих, незаметно и ежедневно толкают человека на преступления против человечности. Они должны быть преодолены новым законом любви и милосердия.

Поэтому Христос, опираясь на прежнее учение, заявляет, что завет Бога исполнится только тогда, когда законы общежития будут радикально преобразованы, то есть когда все моральные

требования сделаются более категоричными, а остатки племенных чувств и коллективного народного сознания будут преодолены. Ведь племенные обычаи, такие как клятва и месть, еще остались в заповедях Моисея. С помощью клятвы, присяги вождям, например, людей всегда и принуждают к войне с врагом. Исправлением десяти ветхозаветных заповедей и сведением их к пяти Иисус очищает учение, избавляет его от пережитков, которые затрудняют обещанное осуществление завета. Отсюда знаменитое противопоставление из Нагорной проповеди: «Вам сказано..., а Я говорю вам...».

Во многих местах Евангелия рассредоточен этот моральный смысл нового учения, предлагающий человеку избавиться от круговой поруки родоплеменных отношений. Результатом отказа от них будет очень и очень нелегкое испытание: преодоление родственных чувств. Иисус предвидит долгую борьбу за утверждение истины и в доверительном обращении к будущим апостолам указывает, что она будет проходить в каждом человеческом сердце: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, тот не достоин Меня».

Но личность современного типа пришла в мир в этот великий момент истории не столько в результате формулирования нового учения, сколько в результате поступка Иисуса, его жертвы. Тем самым была предложена как модель поведения новая жизненная позиция, ведущая к разрыву с обычаями предков, личному принятию эсхатологической перспективы в виде веры в свое и всеобщее спасение. Была предложена модель поведения, когда вера и деяние совпадают полностью, то есть

человек становится целостной нравственной личностью.

Независимо от того, верим ли мы в Христа или нет, считаем ли его Богом или величайшим пророком, вообще религиозны или принадлежим к атеистам, мы не можем отрицать грандиозный, всемирно-исторический результат осуществления евангельской модели поведения человека. На значительной части тогдашнего мира эта модель утвердилась и привела однажды к созданию человечества взамен этносов, цивилизации поверх культур, науки над обыденным знанием. Но все эти изменения произошли не сами собой, а в результате жизненных усилий конкретных исторических личностей нового типа. Своими деяниями они создавали новые нормы общежития взамен всегдашних и привычных правил вражды и вытеснения, поднимали моральную планку поведения.

Новая личность возникла не сразу. Сначала в течение тысячи лет христианство распространялось экстенсивно по Средиземноморью и Европе, совершенствовало учение на вселенских соборах и в творениях отцов церкви, прославлялось подвигами святых аскетов и мистиков. Но интенсивное и бурное его развитие, выявление заложенного в нем потенциала личностной веры началось в одном месте и в одно время — в Западной Европе в XII веке. Это событие ныне называется папская революция.

2

В 1075 году, на втором году своего понтификата, папа Римский Григорий VII издал свои знаменитые Диктаты. В 27 пунктах документа утверждалось, что только церковь руководит всеми верующими в деле всеобщего спасения и обретения Царства Небесного. И потому Григорий VII провозглашал примат папской власти Рима над всеми светскими властями Европы. Отныне они должны будут править не по наследству и иным разнообразным обстоятельст-

вам, а только от имени святой Римской католической церкви, созданной самим Иисусом Христом. Папа объявлял себя его заместителем на Земле, а не только викарием первого римского епископа святого Петра.

На этом основании он становился главным авторитетом по всем вопросам вероучения. Слово папы священо и непререкаемо, только его имя провозглашается в храмах. Он решал, какие книги полезны для христиан, какие вредны. Только он мог собирать церковные соборы (раньше это часто делали императоры, они и пап назначали запросто). Суд папской курии становился высшей инстанцией для всех христианских стран. Ее приговор не мог быть отменен никем.

Церковь всех католических стран отныне из духовной общности должна была стать видимым земным единством. Папа поднимал авторитет папства потому, что тогдашние короли, не говоря уж об императоре, практически подчинили себе местные церкви, управляли ими через назначаемых епископов. К тому же тогда не существовало celibата, и священников опутывали вредными родственными связями. Теперь Рим намеревался покончить с обоими грехами: симонией, то есть продажей церковных должностей, и николаизмом — браками священников. Еще ранее верующим под страхом отлучения было запрещено исповедоваться у женатых священников. Теперь папа присваивал себе право инвеституры, то есть назначения епископов, — центральной фигуры в церковной иерархии. Обе меры выбивали из рук светских правителей орудие вмешательства в церковные дела. Церковь становилась независимой. Более того, папа мог освобождать «подданных несправедливых людей от присяги на верность» [4].

Так началась папская революция. Героическое деяние Григория VII знаменовало собой всемирно-историческое событие, нацеленное на консолидацию

всех народов христианских стран. Все его меры вместе произвели резкий рывок на пути реализации содержащегося в учении духовного потенциала. Рим стал для христианских народов настоящим лидером, призванным к высшему служению спасения человечества. Впервые за тысячу лет существования христианской религии папа Римский не только намеревался объединить церковь в руководстве верующими, но и устранить все препятствия на великом пути Царства Божьего, руководить светской властью.

А основным препятствием на пути к провозглашенной цели и были верховные власти европейских государств, правившие, разумеется, отнюдь не по Писанию, а по своим местным обычаям. Они использовали в своих интересах и церковь, превращая ее в подвластную. Вот почему немедленно по изданию Диктатов началась хорошо известная всем по учебникам война пап и императоров, прежде всего за инвеституру, за главенство и престиж. Волевым, решительным, дальновидным, папа Григорий VII умело вел свою линию, использовал разногласия князей и королей с императором. Сам он закончил свои дни в изгнании, а война продолжалась еще много лет и завершилась в 1122 году Wormским конкордатом, согласно которому право назначать епископов стало все же принадлежать церкви, но назначение земельной ренты — светским властям. Это был полезный для подданных компромисс: Европа стала церковно единой, а вот власть в любой ее стране перестала быть единой.

В результате революции все пришло в движение. Следует сказать, что до XII века Европа была фактически сельской страной с редким населением, со стагнирующим хозяйством, не обеспечивавшим даже потребности дворов государей, из-за чего те не имели столиц и вынуждены были мигрировать по стране, с редкими не связанными между собой городами (самые населенные Венеция и Лондон насчитывали едва по 10

тысяч человек, тогда как в Константинополе было не менее миллиона), с опустошавшими норманнами и сарацинами побережьем. И вот за какие-нибудь сто лет Европа полностью и неизменно, будто чудесным образом, изменилась. Предшествующие Темные века закончились, потому что теперь все события становились известными и даже обсуждаемыми. Реальным итогом возвышения Рима стало Возрождение XII в., как оно называется сегодня в исторической литературе [5].

Церковь взялась за укрепление семьи, которой до того времени практически не было в современном нашем понимании. Она превратила брак в обязательное таинство, полностью взяла на себя брачно-семейные отношения. Тогда о детях не заботились, часто они гибли в результате небрежения, нередкость были тайные их убийства. Теперь священники заставляли родителей крестить младенца после рождения, а не через год или два, когда он выживет. Родительская любовь возросла, детская смертность стала сокращаться. В документах появляются деда и бабки детей, что свидетельствовало об увеличении средней продолжительности жизни. Согласно косвенным данным, население Европы за сто лет выросло в полтора раза [6].

Начался бурный по средневековым меркам рост экономики, прежде всего в сельском хозяйстве (много дало изобретение хомута), из-за чего деревенское избыточное население устремилось в города, которые стали самым заметным явлением того времени. За сто лет возникли сотни городов. Причем новым стало не это впечатляющее количество. В Европе изобрели новый, не известный доселе тип поселения: присяжную коммуну, совпадающую с приходом или союзом приходом. Образовывалось освященное высшими целями религиозное братство, куда люди вступали, давая присягу верности городу и обязательство защищать его. Многие городские коммуны, как правило, начинали с

борьбы за свою вольность. Используя противоречия между князьями и епископами, часто с оружием в руках, граждане добивались признания своего самоуправления, гарантированного верховной властью. В жалованной императорской грамоте, иногда оригинальной, иногда составленной по какому-нибудь образцу, такому, например, как Магдебургское право (1119 г.), указывались границы компетенции городского совета, права горожан и правила для иногородних купцов и ремесленников.

«Городской воздух делает свободным», — гласит немецкая средневековая пословица. Во многих германских землях достаточно было прожить в городе год и один день, то есть закрепиться и стать полезным членом общества, чтобы тебя приняли в граждане, дали в аренду участок земли для постройки дома. Конечно, городское самоуправление было ограничено, власть, естественно, принадлежала богатым нобилиям, прогресс скрывался цехами, но по сравнению с другими городами мира, не имевшими цивилизованного порядка, европейские города стали форпостами будущей свободы, центрами ремесла, торговли, культуры и просвещения. Таким образом, все европейские города возникали сразу и как бы сверхъестественно, а не в результате векового стихийного складывания возле удобного для правителя или для торговли места, как в других частях света. У каждого из них есть точная дата славного начала исторической жизни. Они давали более высокий уровень сознания, культивировали чувство принадлежности к союзу самостоятельных, обладающих определенными правами граждан.

Вслед за Диктатами папы церковь присвоила себе право юрисдикции (буквально — *говорю закон*). Исходя из идеи Страшного суда, она в земной жизни стала высшей судебной инстанцией, а суд по диким родоплеменным обычаям постепенно заменился на правильный. При каждом епископате работали капитулы. Они разбирали дела в

отношении клириков, дела о ересь, о евреях, им были подсудны путешественники, крестоносцы и купцы, находившиеся вне своих приходов. Церковь присвоила себе дела о наследстве, вообще всю брачно-договорную сферу, поскольку та часто связана с имущественными отношениями, дарением в ее пользу и десятиной. Но, что самое главное, церковь могла при случае решать любые дела, простой прихожанин в принципе мог пойти до Рима со своей жалобой, в том числе на злоупотребление властей.

Таким образом, образовалась конкуренция юрисдикций. Каждый житель Европы (легальных атеистов тогда не могло быть) получил как бы двойное гражданство. Он был подданным своего графа, князя, короля или императора и подданным церкви, мог обжаловать решение властей в отношении него в церковном суде. Соперничество властей давало мирянам выбор, вносило элемент равенства, несмотря на жесткую социальную иерархию. Моральное неприятие церковью рабства (не может один христианин владеть другими!) постепенно привело к повсеместному исчезновению и крепостного права.

Папская революция стала духовно-нравственным переворотом прежде всего в результате изменений в самом вероучении. В общих чертах Писание и Предание оставались одинаковыми на Западе и на Востоке и после великого разделения церковью 1054 г. Но в Европе возникли новые и тонкие идейные различия, сильно отразившиеся в сознании верующих. Западная церковь гораздо пристальнее, чем восточные христиане, сосредоточилась на учении об искуплении. У католиков стали говорить, что Бог уже спас людей, ранее Страшного суда, причем не только всех вместе, но каждого в отдельности, обращаясь к нему лично. Поэтому на исповеди после таинства покаяния священник имеет право сказать верующему: «Ego te absolvo», то есть сам отпус-

кает грех. В восточной церкви священник не имеет такого права, он говорит: «Бог простит», чем оставляет элемент неопределенности, неуверенности в спасении, которое произойдет когда-то, при воскресении, втором пришествии и Страшном суде.

Личный характер веры ведет к неожиданным следствиям. Бог простил каждого христианина, не спрашивая ни о чем, не разбираясь, что он уже натворил. Но тут содержится на самом деле предложение, возможность спасения. Следующий ход должен сделать человек. Дар надо либо принять, либо оставить без внимания. Тот, кто принимал прощение, осознавал всю свою греховность, начинал размышлять над своей жизнью, приобретал опыт тайного общения с Богом, веря в то, что он, зная его по имени, стал личным руководителем его в земной жизни, а не в ожидании ада или рая. Человек сам теперь отвечал за свою жизнь. Возникла неизвестная в Византии идея чистилища, где достоинство человека очищается страданием, и один «лишний» по сравнению с православием праздник канонического года — День всех душ. Жизнь каждого приобрела конкретную цель — спасение. Забота о своей душе возвеличивала верующего и теперь «человек, а не Бог занимал центр земной сцены» [4, с. 171]. Не все, разумеется, понимали этот смысл прощения без всякой просьбы о прощении со стороны верующего, но зато немногие, те, кто осознавал смысл божественной благодати, становились другими людьми, проходили таинство покаяния и обретали искреннюю и деятельную веру, руководились в моральной сфере библейскими заповедями, а не «мудростью отцов» или иными племенными доморощенными понятиями. Возникла принципиально новая культура — не прежняя культура стыда, когда поведение регламентируется обычаями и мнением окружающих, а культура вины или греха, когда верующий сам, лично

осознает свою греховность и избывает ее, добровольно подчиняясь правилам, устанавливаемым Богом, а не окружающими людьми, хотя бы и родственниками.

По католическому учению Бог испытал своей жертвой первое грехопадение, которое в современных терминах можно понять как жизнь по обычаю племенных естественных сообществ. Григорий VII это осознавал с исключительной ясностью. Он боролся с произволом светских властей под красноречивым лозунгом: «Христос сказал «Я есть истина!», Он не сказал «Я есть обычай!». Верующему предлагалось проникнуться уверенностью, что родовое проклятие рождения в общем грехе снято, прощено и теперь остались только его личные грехи. Добродетельной и праведной жизнью он может свести их на нет. Отсюда возникли идея заслуг и индульгенции, но это произойдет позднее и станет причиной Реформации [4, с. 169—170].

Эсхатологические чаяния изменили всю духовную атмосферу жизни европейцев. Библейские события стали реальным ее началом, а Страшный суд — ожидаемым концом земной жизни народов. История в сознании верующих приобрела вдруг движение и смысл, а жизнь каждого стала направляться Провидением. Во всеобщем воодушевлении казалось, что Царство Небесное близко, вот-вот воссияет на Земле. Возникло не только время, но и пространство, ведь библейские события совершались в Палестине. Раньше она представлялась чем-то туманным, теперь все взоры обратились к святым местам. Вот почему совершенно естественно возникла идея обретения Иерусалима и Гроба Господня. В 1095 году состоялся первый крестовый поход. Показателем идейного характера движения были вооруженные походы детей и простецов, радостно шедших в землю обетованную и бесследно рассеивавшихся по пути. Зато побочным и чрезвычайно

важным следствием рыцарских походов стал переход Европы от обороны к наступлению.

В результате осознания времени, пространства и великой цели западные христианские народы, а не христианская и еще сильная тогда Византия обрели статус человечества. Римская церковь стала не по названию, а по существу католической, то есть вселенской. Другие христианские конфессии ограничивались своим государством или оставались этническими. Вдохновляя крестовые походы, а затем активное миссионерство, только западная церковь брала на себя задачу спасения остальных людей, то есть несла груз ответственности за все человечество.

Папская революция создала условия для формирования личности как таковой, следующей в своем поведении модели Христа. Бесхитрое императивное сочинение монаха Фомы Кемпийского «Подражание Христу» переписывалось, а потом печаталось несчетное число раз. Но важнейшим следствием духовного переворота оказалась профессиональная наука, которая возникла вместе с новой личностью.

3

Поскольку церковь взялась руководить всей жизнью целиком, она теперь ощущала потребность в науке. Для учения об искуплении требовалось рациональное доказательство существования Бога. Решающий вклад в него сделал архиепископ Ансельм Кентерберийский (1033—1109). В сочинении «*Cur Deus Homo?*» он создал так называемую сатисфакционную теорию искупления, то есть соединил юстицию и богословие [7]. Суть теории состояла в учении о жертве Христа как о деянии Богочеловека. Ансельм писал, что смертный человек своим первородным грехом отпал от Создателя и тем самым нарушил, похитил у Бога самое главное — замысел своего собственного спасения. Но каждое преступление должно быть возме-

щено, и размер возмещения должен превышать похищенное. Однако сам человек, даже осознавая преступление, не может его исправить своими силами никак, он не может предложить в обмен на прощение даже нечто равное и потону, говорит Ансельм, в мире оставался неустрашимый беспорядок. Вот тогда-то и появляется Богочеловек, своей жертвой искупая главный порок человечества — отпадение от Создателя, рождение в первородном грехе. Важнейшее мировое событие уже произошло и теперь каждый верующий получает возможность присоединиться к Спасителю. Сочинение Ансельма оказало громадное воздействие на образованные умы, хотя протестантство потом боролось с подобным рациональным пониманием Бога, разрабатывая учение об оправдании только верой.

Огромный вклад в богословие и сам термин теология внес Пьер Абеляр (1079—1142) своим трудом «*Sic et non*», в котором разработал первые чисто рациональные методы работы со священными текстами путем поиска в них противоречий и разрешения их логическими приемами, названными диалектикой. С греческой мыслью в виде некоторых диалогов Платона тогда были немногие знакомы через Боэция. Теория Абеляра, получившая название схоластика, инициировала формирование научной мысли того времени. Все общие понятия анализировались по одному алгоритму: роду, предмету, виду, части, по средствам, задачам, целям и по тому, какое место оно занимает в науках. Схоластический метод анализа текстов святых отцов состоял в формулировании *propositio* (положения), затем найденного противоречащего ему *oppositio* и нахождении путем логических доказательств *solutio* (решения).

Диалектика оказалась кстати для работы не только с Писанием и трудами отцов церкви, но и с корпусом юридических документов — кодексом Юстиниана. Эта рукопись была обнаружена в

1080-е годы в одной из монастырских библиотек. Кодекс Юстиниана был приравнен к творениям отцов церкви. Монах Ирнерий (1060—1125) составил глоссарий для изучения кодекса, а Грациан Болонский синтезировал учение Ансельма и метод Абеляра в сочинении «Согласование противоречивых канонов» (1140), использовавшемся в университетах как учебник канонического права вплоть до XX в. Грациан впервые установил, что *jus* (право) является родом, а *lex* (закон) — его видом, и мог теперь разделить право на подразделения: уголовное, гражданское и т.п.

Так церковь внедрила в жизнь идею права, исходя из идеи высшей справедливости. «Доктрина искупления придала универсальную значимость человеческому правосудию, — утверждает философ и историк права Г. Берман, — связав налагаемое судом наказание за нарушение закона с природой и предназначением человека, его поиском спасения, его нравственной свободой и его миссией создать на земле общество, отражающее божественную волю» [4, с. 182; 8].

В 1088 году Ирнерий, а за ним и другие глоссаторы стали преподавать право в Болонье. Быстро набралось достаточное количество студентов, объединившихся в университет — корпорацию для обучения. Она действовала как юридическое лицо для заключения договоров с городским советом и с профессорами и как судебный орган по делам студентов. Городу был выгоден приезд тысяч достаточно обеспеченных молодых людей. Они объединялись в землячества вначале по странам, число их доходило до 20, а потом в два: южное и северное, но язык обучения был один — латинский. Так образовался первый в Европе Болонский университет, затем появились университеты в Оксфорде, Саламанке, Париже и других всем ныне известных центрах. Через некоторое время власть в университетах естественным образом перешла от студентов к профессорам,

корпорации стали коллегиями, оставаясь самоуправляемыми. Университеты разделялись на факультеты теологический и юридический, к которым скоро прибавился медицинский.

Современный автор Р. Сазерленд пишет о книге Грациана: «Под непритязательной обложкой учебного пособия мы обнаруживаем живые свидетельства интеллектуальной жизни тех времен. Во многих отношениях то была довольно скучная интеллектуальная жизнь: малозначительные мыслители с помощью слабеньких диалектических отмычек намеревались вскрыть все сейфы в теологическом мире» (цит. по [9, с. 140]). Но так свысока хорошо рассуждать сейчас. А тогда однообразный метод рассуждений (который через века подвергся сокрушительной критике) принципиально, не по степени, а на порядки был выше обычной грамотности, арифметических, астрономических знаний, музыкального умения, полученных в школе, в рамках тривиума и квадривиума. Первые глоссаторы и схоласты создали пусть и простые, но инструменты познания своим разделением понятий на роды, виды, принципы и тому подобные приемы классификации. Они построили систему знаний, а не их механический свод. Обучившись ей, с помощью этих инструментов стало возможно прибавлять знания, то есть заниматься собственно ученым трудом, исследованием текстов и фактов из жизни. Уже не одинокие гении прошлого, а любой способный и умный человек мог овладеть этими «отмычками» и наращивать корпус знаний. Тем самым создалась ученая среда, достаточно много людей, диалектически мыслящих и занимающихся исследованиями. Все они исповедовали метод формулирования гипотез и способы их доказательства без привлечения иррациональных аргументов.

То, что теология и правоведение и по форме, и по существу являются науками, и по сей день оспаривается. В отно-

шении первой современной ученый мир не достиг консенсуса, голоса разделились примерно пополам. Однако и те, кто не считает теологию наукой, не смогут отрицать, что ее рациональные приемы для изучения текстов в своем развитии породили веер дисциплин: литературоведение, археографию, классическую филологию, лингвистику и десятки других теперь уже почтенных наук.

Что касается правоведения как науки, то она возникла как методы изучения римского права и его действия в реальной жизни. В самом античном Риме науки правоведения не было и быть не могло. Римские юристы не были учеными, но практиками и консультантами. И само римское право не содержало ни одной нормы, ни одного общего принципа. Не допускались никакие общие понятия о справедливости, которые, как все помнят, активно развивались в греческой философии. Юристы и преторы были озабочены скрупулезностью процедуры и предельной конкретностью при ведении дел. В кодексе Юстиниана такие дела и описывались, хотя в период упадка Римской империи уже были попытки обобщения, возникли максимы, т.е. большие понятия. Но отнести их к науке еще нельзя, из них юридические нормы предстояло еще составить.

Теперь, на новом этапе, правоведение изучало эту единственно рациональную систему суда, законодательной деятельности, правила составления договоров между людьми и корпорациями. Как положительное знание она исследовала не только тексты, но и определенную созданную людьми область деловой, гражданской, судебной практики. Именно только теперь, через пятьсот лет после падения Рима, греческая и римская ученость соединились, были созданы юридические нормы, приемы классификации дел, общие научные понятия и развитая терминология. «Схоластическая работа применения

греческой философии к римскому праву состояла в том, что теперь можно было проверить значение правильной нормы и доказать ее справедливость путем ее органического единства с принципами и понятиями права, систематизированного как целое» [4, с. 153]. Произошел сложный синтез религиозного сознания, философии и правоприменительной практики.

Теология и юриспруденция стали первыми науками, активно внедрившись в жизнь людей и изменявшими ее. Римское право теперь приходило на смену племенным судебным обычаям, выраженным в лучшем случае в писанных «Правдах» (Салической, например), улучшало обычное право, законодательство светских властей, формировало практику договоров между юридическими лицами. Освященное авторитетом церкви, право стало главенствовать в европейской жизни. Отныне любой князь и король не только, как провозгласил Григорий VII, управлял от имени церкви в ее высших целях, но он вынужден был издавать только те законы, которые согласовывались с римским правом. Это привело к громадным последствиям в государственной жизни, прежде всего к различению права и закона. Не всякое отданное правителем распоряжение, пусть даже и в письменной форме, отныне стало считаться законом. Этого высокого названия заслуживал только тот документ, который соответствовал духу права, которое в свою очередь отражало божественную правду. Последнее в юриспруденции стало называться естественным правом, и через него в понятие управления вошла идея справедливой власти, возник идеал правового государства, в отличие от природного или традиционного, основанного на праве сильного. С тех пор мир стал медленно двигаться к этому идеалу, был задан вектор развития.

По первоначальному замыслу юстиция стала определенной процедурой исправления земных несправедливос-

тей с помощью небесной истины. Но в самой процедуре не содержалось ничего мистического или сверхъестественного, не допускались ссылки на мнения и авторитеты, а утверждаемые участниками судебного состязания предположения (гипотезы) должны были быть доказаны. В процессе участвовали четыре стороны: ведущий его и выносивший решение судья, поддерживающий обвинение юрист, адвокат и свидетели. Уже в XII в. разработаны нормы исключения доказательств: 1) избыточных, 2) не относящихся к делу, 3) неопределенных, 4) чрезмерно общих, 5) противных природе — в которые нельзя поверить [4, с. 156].

С исключительной быстротой были созданы новые системы права, не только канонического, но административного, феодального (письменные договоры между сюзереном и вассалом, чего не было в других феодальных странах — Японии и России, например), городского, манориального, торгового, морского. Отныне взаимоотношения сторон по правильному юридическому договору стали уважаемой нормой европейской жизни, начиная от семейной сферы и кончая международной. Таким образом, имея в уме идеальную цель создания Царствия Небесного, церковь с помощью науки того времени в реальности создала совсем другое — новую область жизни, которой не существовало в других частях света. Сам европейский вольный город стал детищем науки, потому что его статус был изначально определен письменным договором между горожанами и юридическим документом его гарантии властью, составленного теологом и правоведом.

Вскоре европейские хроники того времени зачастили свидетельства о появлении новых людей. Повсюду ворчали на засилье этих грамотеев и крючкотворов. Но без них жить стало нельзя. Они заполнили администрации городов, светские суды, епископские капитулы, дворы властей Европы. Без дипломатов стало

невозможно обойтись при составлении международных договоров, без нотариусов — при оформлении сделок. Образовались сферы, в которых могли работать только университетски образованные люди. Недаром в английском языке выражение *the learned professions* с тех пор и до сего дня относится только к теологии, праву и медицине. Профессором считается только адвокат, богослов и врач, остальное образование дает узких специалистов.

Так в течение 1100—1150 гг. была создана профессиональная наука, сохраняющая свои сущностные принципиальные черты неизменными с того времени и до наших дней. Ее важнейшими признаками являются: 1) общие понятия и принципы, выведенные из фактов, то есть изобретенные принципы теоретизации, позволявшие классифицировать феномены и изучать их; 2) материальное воплощение теории — учебники; 3) появление класса профессиональных ученых — докторов теологии и права и профессиональных преподавателей; 4) их организация в независимую корпорацию — университет с общей идейной основой. Введены приемы работы: лекции и самостоятельные занятия студентов под руководством профессора, публичные диспуты, разработанная процедура защиты ученых степеней, тоже не изменившаяся с тех пор. Возник этос ученого, в который обязательно входит любовь к истине, честность и бескорыстие, организованный скептицизм, понимание относительности научных достижений.

Европейское человечество, вооруженное новыми инструментами ума, с этого времени становится лидером научного описания и освоения действительности. Обладая встроенным элементом развития, Европа начинает покорять пространство и время. Только теперь, через сотни и сотни лет, начинается постижение истории и предшествующего знания, переводы Платона, Аристотеля, усвоение арабских, еврейских, индий-

ских, китайских ученых достижений. Все эти древние и открываемые новые современные знания укладывались в систему, анализировались, понимались и находили место в общем строе науки. Обычно историки указывают на эпоху Возрождения как период освоения античного знания и искусства, с которого якобы началась новая история гуманизма. Но одной грамотности для освоения античного наследия было бы недостаточно. Только ученые схоласты и философы могли понять, что означают древние сочинения, каков их смысл и каково их место в человеческом познании. И отныне все остальные страны могли только присоединиться к европейской науке, которая стала единой, общепонятной без различия местных культур и, следовательно, общечеловеческой. Так к ней в начале XVIII в. присоединились усилиями своих императоров Россия и Япония.

Надо сказать, что католическая церковь не удержалась на высоте своего положения, провозглашенного Григорием VII. Со временем она погрязла в коррупции, в индульгенциях, стала насильственно искоренять ереси, естественно возникшие вследствие небывалой чумы XIV века. Само папство доходило до морального разложения. Ответом на него был взрыв горячей народной веры и профессорская Реформация: и Лютер, и Кальвин были и теологами, и правоведами. Развитие учения и дальнейшая сложнейшая духовная история, пережитая Европой во времена Возрождения и Просвещения с его секуляризацией науки, — все великие этапы развития цивилизации в Европе базировались на фундаменте папской революции XII в. Пришествия самой личности как таковой, которой не существовало ни в античности, ни в первое тысячелетие новой эры, уже нельзя было отменить.

4

Появление индивидуализма современного типа, то, что мы называем

здесь формированием личности, ранее, начиная с литературы XVIII века, и теперь еще по традиции часто относят только к эпохе Возрождения. Но сегодня уже есть большая литература, относящаяся к перелому в формировании личности к европейскому XII веку [10]. Автор данной монографии — оксфордский профессор — приводит множество доказательств возникновения личностного самосознания (называемой им как культура греха). К ним относятся такие новые явления, как автобиографии, портреты, искусство, прежде всего новая архитектура, названная через два века готикой. Множатся письменные размышления о человеке. Возникает поэзия идеальной, рыцарской любви, сочинения о дружбе. Причинами роста самосознания человека, прежде всего образованного, стала сама изменившаяся вера, личный ее характер. Обращение церкви к каждому конкретному человеку возвысило личность и содержащаяся в Писании возможность индивидуальной веры теперь поддерживалась общественными условиями. Этому способствовал переход от сознания греха как общего первородного к греху индивидуальному. Начали меняться нравственные устои. Людей объединяла теперь не мораль давления с целью сохранения единства государственной общности, а мораль стремления, как называет ее Анри Бергсон, в которой внутренние побудительные мотивы нравственного поведения вышли на первый план [11].

Ясно, что для самостоятельной и самодетальной личности необходимо и достаточно трех главных нераздельно и неслиянно существующих свойств. Во-первых, человек должен быть высокообразованным. Во-вторых, он должен быть нравственно ориентированным человеком, основывать свою мораль или на религиозном основании, или — в последующие века — на гуманизме и вере в человека. Но самое главное свойство личности, в-третьих, —

понятие о самоактуализации, разработанное в середине XX в. психологом Абрахамом Маслоу [12, 13].

Все эти свойства, конечно, можно отнести к образованным и высоконравственным людям того времени — монахам. Однако можно с полным основанием сделать вывод, что наиболее развитой личностью того времени обладали и ученые — поставщики новых людей для Европы. Заниматься наукой может не каждый, нужны известные врожденные качества. Осознать их, развить их в себе, создать новое, небывалое ранее, то есть внести творческий вклад в знание, понять это как свою миссию, свое призвание или свой долг, наложенный высшими силами, — все эти мотивы свойственны ученому. Творческому человеку прежде всего свойственна реализация заложенных в нем способностей. Он вдумывается в себя, решает посвятить свою жизнь научным ценностям и для этого составляет определенную программу деятельности. Он управляет своей жизнью в соответствии с внутренними потребностями и талантами.

В научной жизни с ее организованным скептицизмом, как выяснилось позднее, нет великого и малого. Незначительная на первый взгляд, но оригинально сделанная работа иногда вызывает огромные следствия. Поэтому в ней важнее, как хорошо известно, не что, а как. Научные знания по самой своей сути общечеловечны и любое творческое решение в них касается всего человечества, хотя оно о том и не знает. В первых университетах был создан корпус систематического и методического знания и он сохранял свое единство и общезначимость для всех. Каждый овладевший ими становился ученым и должен был однажды осознать эту новую ступень своего развития.

Мотивация поведения и деятельность ученого противоположны целям и обычной морали закрытого общества, направленной на самосохранение, на подчине-

ние правителям, на создание жесткой иерархии в группах и коллективах. И самодисциплина ученого, вероятно, выше монашеской дисциплины, которая требует строгого подчинения авторитетам и церковному строю.

Для создания нового и небывалого ранее нужны были не только знания и вера в Бога, но и вера в себя и, следовательно, противостояние общепринятому мнению и очевидным выводам. Такая личность следует своим путем личной веры в Истину, личного понимания Бога и чаще всего это понимание не совпадает с мнением большинства. Наступает много раз описанный в литературе и в мемуарах момент перехода в новое состояние, то, что А. Маслоу называет пиковым переживанием. Еще до публичного объявления о своем открытии или создании нового знания в душе ученого созревает интуитивное решение, причем в большей степени это решение моральное. Он мучительно решает нравственную проблему — имеет ли он право на свое высказывание?

Всегда ранее любых аргументов, ранее эксперимента, который в науке нового времени, в XVII веке, стал решающим методом доказательства, у ученого возникает новое, нетривиальное решение проблемы, в которую он вдумывается. Это то, что называется гипотезой. Зачастую она настолько необычна, что в нее вначале надо поверить. Никаких доказательств еще нет, их еще предстоит создать и на создание их надо решиться, посвятить себя ей. Здесь, в этот никому неведомый момент, невозможны никакие коллективные решения, человек остается один на один с целым миром — земным и небесным — и должен сам поверить в свою интуицию. В этот момент истина персонифицируется, она становится по евангельской модели не что, а кто, то есть она соединяется с жизнью ученого. Он чувствует, что она ему поручена. Отсюда возникает острейшая нравственная ответственность, причем не перед земными авто-

ритетами или перед своей референтной группой, а перед другими, более высокими силами, которые обычно называют божественной истиной и тому подобными сущностями.

По сути дела, в этих одиноких размышлениях повторялась евангельская модель, так называемое моление о чаше, когда в ночь перед арестом Иисус в минуту великих нравственных мучений просил пронести ее мимо, но склонился перед волей своего небесного Отца и укреплялся в принятии своего подвига. Конечно, не в каждый момент принятия решений в душе ученого повторяется такой предельный вариант, хотя, как показывает история науки, для отстаивания своих убеждений ученому требуется иногда не меньшее мужество, чем государственному деятелю. В любом случае еще до открытия, в тайном акте принятия некоей гипотезы, каждый в какой-то степени переживает свою Гефсиманскую ночь, предвидя, что его ожидают немалые испытания, и решаясь на них. Именно тогда рождается новая личность, потому что она сама накладывает на себя эту ответственность. Из подобных переживаний и появились ученые мужи средневековья, суровые профессора в своих мантиях и париках. Они испытывали ответственность не за что-нибудь, но за развитие мира, который тогда, в религиозные времена, совпадал с человечеством, под ним не понималось, как в более поздние времена, материальная вселенная. Поэтому ученый своим деянием участвует в развитии цивилизации, зачастую вовсе не обязательно формулируя такую цель отчетливо.

Высочайшую нравственную устойчивость демонстрирует главный герой того века Пьер Абеляр. Его необыкновенная жизнь, наполненная бурным познанием, невероятной историей любви к Элоизе, его упорное отстаивание своего учения, сопротивление запрещавшим его церковным авторитетам, — все свидетельствует о небывалой цель-

ности личности этого человека. Таких, как он, и сегодня немного. Он привлекал тысячи студентов, которые со всех сторон Европы стекались в приход св. Женеьевы в Париже, чтобы послушать божественного лектора. Он создал не только схоластику, но и описал свою жизнь в автобиографии под названием «История моих бедствий».

Только теперь, в XII веке, появились такие свидетельства напряженной внутренней жизни ученых людей. Ранее, если не считать одинокого гиганта святого Августина Блаженного с его «Исповедью», их и не могло быть, потому что только теперь начинаются поиски призвания, рассуждения о выборе пути как следствие социальной мобильности. Олто из Сент-Эммермана в автобиографии описывает свой выбор, кем ему быть — монахом или учителем? И это зависело от решения предельного вопроса: «Долгое время я пребывал в мучениях, вызванных проникающими все мое существо сомнениями в достоверности Святого Писания, равно как не видя и никакой помощи от Господа. Мучимый искушениями, временами я обретал некоторые проблески в уме и некоторую надежду на спасение, но затем часами не мог отыскать какого-либо утешения в своей душе. Иногда я был прочно укоренен в доказательствах Святого Писания и успешно отражал атаки жала смерти оружием веры и надежды; но затем какой-нибудь случай снова повергал меня в смущение вплоть до полного помрачения ума, и я всецело разуверивался в истинном благе Библии или в самом существовании всемогущего Бога. Если Ты в самом деле существуешь, Всемогущий, и если ты действительно повсюду присутствуешь, как читал я о том во многих книгах, я умоляю Тебя: избавь меня от грозящих мне опасностей и поскорее покажи Твое присутствие и Твое могущество, ибо я не смогу долго испытывать столь великие муки» [10, с. 81—82]. Как этот личный диалог с Богом далек от

Платона с его теорией общества, где начальники назначают каждому его место!

С XII века европейские ученые начали поход за познанием обитаемого и необитаемого мира, ими были созданы и карты, и геодезические инструменты, исходя из библейской космографии. Сегодня историки картографии, например, открывают великую роль монастырей в составлении карт. Но не знания сами по себе стали орудием покорения пространства, но в большей степени религиозная миссионерская цель приобщения всего населения открываемого мира к христианству и в перспективе — обретение миллениума. И через двести и триста лет религиозный импульс двигал великими географическими открытиями. Жизнь и деятельность Генриха Мореплавателя (1394—1460) и Христофора Колумба (1451—1506) есть ярчайший пример религиозного горения, сплававшегося с чисто научными знаниями своего времени.

Португальский принц Генрих, названный Мореплавателем, в молодости участвовал в войне с маврами и потом посвятил всю свою жизнь прокладыванию нового пути вокруг Африки для достижения Иерусалима. Исповедуя идеологию крестовых походов против неверных, Генрих создал религиозный орден и морскую академию при нем, куда привлекал картографов и космографов, тем самым мощно двинув развитие этих наук. Мартин Бехайм в 1492 г. создал там первый, еще доколумбовый, глобус Земли. Снаряжаемые Генрихом корабли один за другим уходили к югу, открывая все новые и новые берега. При его жизни был открыт Гвинейский залив и достигнута 8-я параллель и выяснилось, что тропики обладают богатейшей растительностью и животным миром и даже населены, а ранее считалось, что они безжизненны, представляют собой раскаленную пустыню [14]. Заданный им вектор движения португальцев сохранялся и после его смерти. В 1487—1488 гг. Бартоломеу

Диаш открыл южную оконечность Африки, а затем Васко да Гама достиг Индии.

Малоизвестен факт, который становится красноречивым только в нашем контексте, что Христофор Колумб был женат на внучке одного из капитанов Генриха, открывшего острова Зеленого Мыса. Судя по некоторым свидетельствам, Колумб сам побывал на них, возможно, тогда и оформилась его мечта. Но ее осуществление, писал он позднее, было простым выполнением библейского пророчества о достижении миллениума, то есть тысячелетнего господства христианства на всей Земле. Он был глубоко убежден, что именно ему свыше поручена миссия открытия западного пути к святым местам и освобождения томящихся в магометанском плену «христиан Индии» и с этой целью он был наделен Божьим даром — непревзойденным навигаторским талантом и научными знаниями. Эта убежденность Колумба стала тем моральным воодушевлением, которое позволило ему преодолеть грандиозные трудности организации экспедиции и плаваний.

И даже через пятьсот лет новая наука, а именно естествознание XVII в., как доказательно утверждает философ науки П.П. Гайдено, создавалась не вопреки, а благодаря религии [15, с.44—87]. Ученые вели борьбу, которую на все лады расписывала прежняя историография, с церковью, а не с религиозным сознанием. Они отстаивали свое право на собственное видение природы Бога, природы мира, а отнюдь не на атеистическое мировоззрение. Сам великий Ньютон создал свою механику с целью понимания бытия Божьего, его плана относительно материального мира. Сегодня история науки начинает усиленно вникать в сложное мировоззрение творца закона всемирного тяготения [16]. Ньютон тайно исповедовал унитаризм, нетроичность Бога, исправлял религиозное предание, рассчитывал сроки второго пришествия Христа. Большую часть своей

ученой работы он посвящал богословию и алхимии.

Таким образом, мы видим, что наука, гражданское общество и цивилизация создаются фактически одновременно. И не мистическим образом, и не в результате медленного постепенного ано-

нимного народного развития, как оно представляется в популярном знании, а в результате появления личностей как главных субъектов деятельности. Уровень развития всегда и везде зависел от числа образованных, свободных и ответственных перед истиной людей. Их усилиями и сверхусилиями творится история.

1. *Ван-дер-Варден Б.* Пробуждающаяся наука. 1. Математика Древнего Египта, Вавилонии и Греции. — М., 1959; Он же. Пробуждающаяся наука. 2. Рождение астрономии. — М., 1959. — 384 с.
2. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. О науке. — Дубна: Феникс, 1997. — Т. 1. — С. 303—538.
3. *Поппер Карл.* Открытое общество и его враги. — Ч. 1. Чары Платона. — М.: Феникс, 1992. — 448 с.
4. *Берман Гарольд Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. / Пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 592 с.
5. *Brooke C.N.L.* Europe in the Central Middle Ages. — London, 1975.
6. *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. — М., 1996.
7. *Ансельм Кентерберийский.* Почему Бог стал человеком? // Искупление. Материалы Второго международного симпозиума христианских философов. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. — С. 19—133.
8. *Берман Г.Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. — М.: Ad Marginem, 1999. — 432 с.
9. *Брук Кристофер.* Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. — Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992.
10. *Morris Colin.* The Discovery of the Individual. — London, 1972.
11. *Бергсон Анри.* Два источника морали и религии / Пер. с фр. — М.: Канон, 1994.
12. *Маслоу Абрахам.* Психология бытия / Пер. с англ. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. — 394 с.
13. *Маслоу Абрахам.* Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. — М.: Смысл, 1999. — 425 с.
14. *Вернадский В.И.* Очерки по истории современного научного мировоззрения. Лекция 9 // Труды по всеобщей истории науки. — 2-е изд. — М.: Наука, 1988. — 336 с.
15. *Гайденко П.П.* Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Религиозно-философские истоки науки. — М.: Мартис. 1997. — 319 с.
16. *Дмитриев И.С.* Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. — СПб.: Алетейя, 1999. — 784 с.

Получено 20.03.2007

Г.П. Аксенов

Учений: генезис, мотивація, самореалізація, роль у суспільстві

Наука, громадянське суспільство і цивілізація створюються фактично одночасно. Рівень розвитку суспільства завжди і повсюди залежав від кількості освічених, вільних і відповідальних перед істиною людей.